

НАРКОМ Г.В. ЧИЧЕРИН И СОВЕТСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Показана роль наркома иностранных дел Г.В. Чичерина в защите государственных интересов Советского государства на международной арене. Отмечается негативное и тормозящее влияние двойственной дипломатической тактики, навязываемой Г. Чичерину и Наркоминделу В.И. Лениным, И.В. Сталиным и другими большевистскими лидерами как подрывающей доверие к светскому руководству и плохо гармонирующей с официальными заявлениями наркома о курсе на мирное сосуществование Советской России с зарубежными государствами. Показано, что инакомыслие и расхождения с руководством ВКП(б) по вопросам внешней политики стали причинами ухода Г. Чичерина с поста наркома, его моральной и политической изоляции.

Ключевые слова: примат большевистской идеологии над внешней политикой; дистанцирование от методов коминтерновской дипломатии; тезис о мирном сосуществовании; перелом во внешнеполитических взглядах; разногласия по вопросам внешней политики, политическое забвение.

Внешнеполитические позиции народного комиссара иностранных дел Георгия Васильевича Чичерина рассматривались советскими историками исключительно в контексте его подчинения партийной дисциплине, согласно которой текущие дела в сфере советской внешней политики вел Г. Чичерин, а политические решения принимал В.И. Ленин. Этот принцип, предложенный Л.Д. Троцким Седьмому съезду РКП(б) [1. С. 273], лег в основу утверждений, что нарком Чичерин собственной позиции по большинству вопросов внешней политики не имел. Такой подход представлен не только в работах официальных биографов Г. Чичерина, но и в мемуарной литературе. Так, Г.З. Беседовский – дипломат-перебежчик – называет наркома «чиновничьей фигурой с партийным билетом», питавшей «почтительный страх... не только перед Лениным, Троцким и другими столпами ЦК», а также «перед малограмотным Ворошиловым и ничтожным выскочкой, сталинским брюкодержателем Микояном» [2. С. 137]. На этом фоне контрастируют высказывания некоторых авторов, так называемых перестроечных и более поздних публикаций, изображающих Г. Чичерина антисталинистом [3. С. 101–102, 110–117, 380–416].

При всех этих разночтениях упускается из вида тот факт, что Г. Чичерин никогда не был «стопроцентным большевиком» и до вступления в ряды РСДРП(б) придерживался позиций левого меньшевизма. Будучи социал-демократом, он не разделял идей большевиков, хотя и считал их тактику, ориентированную на поражение России в империалистической войне, правильной. Приверженность к идеалам европейской социал-демократии не позволяла Г. Чичерину разделять до прихода большевиков к власти их взгляды о неизбежности мировой революции. В этой связи понятно стремление отдельных авторов считать Г. Чичерина «типичным социал-демократическим специалистом, который пошел на службу к большевикам, так как «не видел в России другой реальной власти (хотя, очевидно, большевизм не был его политическим идеалом)» [4. С. 85].

Подобный эклектизм в политических взглядах наркома не позволял Г. Чичерину стать видной фигурой в политической иерархии большевиков. Потомственному дворянину так и не пришлось стать полноправным представителем советских властных структур, считаясь в них «человеком не от мира сего». Взаимоотношения Г. Чичерина с В. Лениным, как формальные, так и личные, имели принципиальное значение в руководстве внешней политикой. С формальной точки зрения нарком в своей деятельности был ограничен директивами

и рекомендациями Политбюро ЦК РКП(б) и постоянно был вынужден согласовывать с Лениным по телефону, в личных встречах и по переписке все более или менее важные вопросы: от проектов дипломатических нот и соглашений с иностранными государствами до кадровых назначений полпредов и советников посольств, утверждаемых на заседаниях Политбюро. Невысокий политический статус наркома (при Ленине он не являлся членом ЦК РКП(б)) в какой-то мере компенсировался его самостоятельностью, правом вносить предложения, возражать и отстаивать свою точку зрения по спорным вопросам международных отношений. В ряде случаев В.И. Ленин признавал, что «по-моему, Чичерин прав» [5. Л. 96]. Он давал иногда лестные характеристики наркому, считая последнего, как утверждает В.М. Молотов, «малопартийным и не во всем доверял ему» [6. С. 245].

На плечи Г. Чичерина легла тяжелая ноша. Ему приходилось, подчиняясь партийной дисциплине и служебному долгу, проводить внешнеполитический курс большевистского руководства, направленный на выполнение революционной партийной программы и в то же время пытаться наладить мосты сотрудничества со странами, готовыми признать Советскую Россию и ее правительство. Нарком, таким образом, был втянут с самого начала своей дипломатической карьеры в политические интриги большевистских лидеров, которые, несмотря на свои официальные заявления о неприятии отношений со странами капитала, искали пути создания благоприятных условий для сохранения и выживания создаваемой ими в России новой социально-политической системы и возможности ее интеграции в мировое сообщество.

Г. Чичерин первоначально разделял иллюзии большевистского руководства о возможности объединения двух несовместимых принципов (революционного и традиционного) в советской внешней политике, так как он глубоко верил в «социалистический идеал», хотя так и не стал ортодоксальным большевиком. Ему, воспитанному на традициях русской дипломатии, больше импонировали вопросы защиты государственных интересов на международной арене, нежели идеи мировой революции. Свой дипломатический долг он видел в установлении некой преемственности между прежней царской и тогдашней Советской Россией при ограниченном примате большевистской идеологии над государственными интересами.

Многочисленные ноты, написанные Чичериным в адрес зарубежных правительств, как и другие совет-

ские предложения о перемирии на всех фронтах Первой мировой войны и переговорам о всеобщем демократическом мире, как известно, были проигнорированы. Неудачно закончилась и попытка к налаживанию контактов с правительством США. Стоило изолированной от Запада Советской России подписать навязанный со стороны имперской Германии и ее союзников грабительский Брест-Литовский мирный договор, как американское правительство отказалось от признания новой России и приняло решение вместе со странами Антанты о вводе ограниченного контингента своих войск на советскую территорию. Г. Чичерин критически воспринял «миролюбивый демократический» курс президента В. Вильсона и рассматривал США как врага, вторгшегося в пределы России, но, с другой стороны, как трезвый и прагматический государственный деятель, не мог не замечать и позитивных особенностей внешнеполитической программы американской администрации, убеждаясь в необходимости поиска новых подходов к установлению «мирного сосуществования» и создания условий для американско-российского сотрудничества [7. С. 59, 62, 106–107]. В то же время в политических взглядах наркома прослеживался эклектизм, характерный для периода кратковременного «сотрудничества» Советской России с Германией после заключения Брест-Литовского мирного договора. Двойственная дипломатическая тактика, навязываемая Г. Чичерину и Наркоминделу В.И. Лениным и другими большевистскими вождями, направленная, с одной стороны, на подготовку и осуществление советским представительством А. Иоффе в Берлине германской революции, а с другой – укрепление делового сотрудничества с Германией, привели к разрыву дипломатических отношений в начале ноября 1918 г. с последней.

К началу 1920-х гг. Г. Чичерин осознавал тормозящее воздействие на установление нормальных отношений советской России с капиталистическим окружением, ориентацию советского руководства на мировую революцию и поддержку народов, бодрящихся за свое социальное и национальное освобождение. Эта ориентация подрывала доверие к советскому правительству и подтверждала неспособность большевиков соблюдать свои официальные обязательства – невмешательство в дела других стран. С созданием Коммунистического Интернационала наркому приходилось дистанцироваться от методов «коминтерновской дипломатии», которая плохо гармонировала с его заявлениями российской и зарубежной общественности о намерениях советского правительства к мирному возрождению России. Его возмущала «безответственность некоторых руководящих товарищей», выступавших в газетах «Правда» и «Известия» после подписания советско-британского торгового договора с заявлениями о намерении советского руководства оказать помощь и поддержку угнетенным народам Индии, Персии, Китая и Афганистана. «Как можно заключать договоры, когда они грубым образом нарушаются соответствующими инстанциями», вопрошал нарком в своей записке В. Ленину 11 мая 1921 г. и подчеркивал, что «это не только прямое нарушение английского договора, но и... уведомление Англии о том, что мы готовим большое революционное наступление на Индию и другие

страны. Если английское правительство обратит на это внимание, нам могут грозить крупные неприятности» [8. С. 14]. Чичеринские предложения об отказе от вмешательства Коминтерна во внутренние дела других стран не воспринимались партийной элитой, для которой такие перемены во внешнеполитическом курсе представлялись делом весьма затрудненным и болезненным. Нарком торговли Л.Б. Красин заявлял Г. Чичерину о том, что «если советское руководство пойдет на более или менее серьезные гарантии невмешательства и откажется от прямой поддержки здешних (зарубежных) коммунистических партий», капитал пойдет работать в Россию» [9. Л. 2].

Проводником дипломатического прорыва Советской России на Запад стал Г. Чичерин. Именно он впервые заявил на заседании ВЦИК 17 июня 1920 г. о необходимости «мирного сосуществования» с другими странами [10. С. 638–639]. В. Ленин назвал предлагаемую наркомом политику «мирным сожительством», понимая под этим временное, вынужденное отступление от идеи «мировой революции», отодвинутой на более позднее время. Он отнюдь не отказывался от своей веры в неизбежный крах капитализма как системы и готовности мирового пролетариата последовать примеру русского Октября.

Г. Чичерин первым ощущал необходимость перемен во внешней политике и смещения акцентов с пропаганды мировой революции на установление мирных отношений с капиталистическим окружением. Он предложил провести ряд радикальных мер, которые могли бы положить конец недоверию со стороны зарубежных государств к советскому правительству. Такими мерами он считал: выход В. Ленина и Л. Троцкого из Исполкома Коминтерна и официальное признание российских долгов перед иностранными кредиторами [11. Л. 8–9]. Ленин, однако, отверг эти предложения и заявил о невозможности своего выхода и Троцкого из Исполкома Коминтерна, а касаясь долгов, подчеркнул нежелание советского руководства делать какие-либо уступки и шаги в этом вопросе. Требования иностранных кредиторов и бывших владельцев собственности в России В.И. Ленин сравнивал с грабежом, который нельзя допустить [12. С. 273]. Только благодаря настойчивости Г. Чичерина Политбюро ЦК с согласия В. Ленина утвердило чичеринский проект предложений с ленинскими поправками, содержание которого вошло в текст ноты Наркоминдела, направленной правительствам Великобритании, Франции, Италии, Японии и США. В ноте заявлялась готовность советского руководства «сделать ряд существенных уступок по государственным займам, заключенным до 1914 г., при условии предоставления льготных условий, обеспечивающих практическую возможность выполнения этих обязательств» [11. Л. 8–9], т.е. предоставления России новых займов и кредитов. Признание Москвой российских довоенных долгов и ее предложение о созыве международной конференции по урегулированию послевоенных экономических проблем положило начало первому диалогу с Западом на Генуэзской конференции.

В ходе подготовки к этой конференции возникли серьезные разногласия между Лениным и Чичериным по вопросам защиты государственных интересов Со-

ветской России. Чичерин считал, что Генуя – это благоприятный момент для прорыва советской дипломатии на международную арену, который необходимо использовать для официального признания Советской России де-юре, и предлагал Ленину пойти в Генуе на приемлемые уступки, чтобы получить финансовую поддержку от правительств Антанты [14. С. 187]. В отличие от наркома, озабоченного успешным исходом переговоров, Ленин был заинтересован в расколе между странами-участниками конференции. В проекте директив, написанных им для советской делегации, указывалось, что «основная задача в Генуе разделить между собой разные страны, рассорить их» [13. С. 375]. В письме Г. Чичерину от 10 февраля 1922 г. он «архисекретно» сообщал: «...Нам выгодно, чтобы Геную сорвали... но не мы, конечно. Писать этого нельзя даже в секретных бумагах. Верните мне сие, я сожгу...» [14. С. 564].

Чичерин не принял тактику, предлагаемую Лениным, считая, что она лишь «ускорит разрыв в Генуе и сделает невозможным всякое экономическое соглашение» [15. Л. 39]. Первостепенное значение он придавал разрешению вопроса о взаимных претензиях Антанты и России и полагал, что от благополучного его разрешения будет зависеть весь ход переговоров, предлагая Политбюро ЦК «найти приемлемую среднюю линию между требованиями Антанты и нашими требованиями» [16. Л. 113]. Предложение наркома не нашло поддержки, так как большевистское руководство не было намеренно платить долги дореволюционной России Антанте.

«Ахиллесовой пятой» в предстоящих переговорах в Генуе для советской делегации являлся и вопрос о компенсации убытков частным лицам-иностранцам, пострадавшим в результате национализации их собственности в России, Г. Чичерин предлагал «идти на уступки и формально признать долги частным лицам» и рассчитывал этим «расчистить путь к дальнейшему сотрудничеству с Западом» [16. Л. 108]. Ленин и советское руководство и в этом вопросе были иного мнения, связывая выплату компенсаций иностранным собственникам с получением от европейских правительств миллиардных кредитов и крупных займов.

Ход переговоров в Генуе подтвердил несостоятельность Ленинского подхода к решению государственных интересов. Ленинская тактика, основанная на ожидании получения наибольших выгод в разрешении спорных вопросов с делегациями Антанты по долгам и обоюдным контрпретензиям при одновременном отрицании прав зарубежных частных лиц на свою собственность в России, была обречена на провал. После подписания Рапалльского договора между Советской Россией и Германией делегации Антанты по-прежнему требовали признания уплаты царских долгов и компенсации убытков иностранным владельцам. При этом главы делегаций Ллойд Джордж (Англия) и Шанцер (Италия) не скрывали намерений соглашения с советской делегацией и готовы были пойти на уступки, предел которых не устраивал московское руководство [17. Л. 44]. Однако на аннулирование претензий частных лиц к советскому правительству они не соглашались. Рапалльский договор не стал для делегаций Антанты

образцом для подражания и взаимного отказа от обоюдных претензий.

Г. Чичерин, защищая свою линию, пытался убедить В. Ленина и Политбюро ЦК пойти на уступки делегациям Антанты [18. С. 163]. Его мнение разделяли М.М. Литвинов и Л.Б. Красин, которые также предлагали В. Ленину и Политбюро ЦК РКП(б) согласиться на удовлетворение претензий частных собственников, без которого невозможно было рассчитывать на немедленное получение иностранных займов. Ленин, обеспокоенный «неслыханными и опасными колебаниями Чичерина и Литвинова», считал необходимым их «огреть», а в случае дальнейших колебаний «уволить от должностей» [18. С. 172]. В телеграмме, направленной Г. Чичерину, он требовал разрыва переговоров в Генуе: «...ибо на уступки собственников мы не пойдем, а лучшего момента не найти...» [18. С. 183]. Ленин заявлял наркому: «Не берите на себя при закрытии Генуэзской конференции ни тени финансовых обязательств, ни какого даже полупризнания долгов и не бойтесь вообще разрыва...» [18. С. 171]. Руководство советской делегации понимало всю бесперспективность продолжения переговоров. Шанс дипломатического прорыва советской России на Запад был упущен. После Генуэзской конференции Г. Чичерин попал в немилость к В.И. Ленину и Политбюро ЦК и его временно отстранили от дипломатической работы, предложив уехать на лечение в Германию.

На Гаагской конференции в июне 1922 г. советская делегация продемонстрировала все ту же тактику неуступчивости, вызвав демарш наркома. В письме И. Сталину от 8 августа Чичерин открыто выразил недовольство директивами Политбюро ЦК РКП(б), не дававшими советским делегациям в Генуе и Гааге свободы действий и поиска компромиссных решений и рекомендовавшими лишь разрыв переговоров. Из-за этих директив, по мнению Г. Чичерина, не было заключено соглашение с Британией, премьер-министр которой – Ллойд Джордж – был настроен весьма лояльно к советскому правительству и шел ему навстречу [16. Л. 226]. Нарком считал, что методы советской внешней политики безнадежно устарели, и такими методами «нельзя строить новых отношений с ведущими странами Запада» и предлагал создавать «модернизированную внешнюю политику» [16. Л. 227]. В письме от 14 августа он сообщал Сталину о потере доверия общественного мнения к официальным заявлениям советского руководства о невмешательстве во внутренние дела других стран и отказе от наступательной революционной войны против мирового капитала и намекал ему о нежелательности для Исполкома Коминтерна пропаганды «мировой революции» как подрывающей престиж и авторитет советского государства и его внешней политики [19. Л. 37]. Инакомыслие Чичерина вызвало раздражение И. Сталина, и 17 августа на заседании Политбюро ЦК РКП(б) было принято решение, осуждающее и запрещающее руководство наркомом международной политикой из Берлина, и предложено «т. Чичерину по окончании лечения немедленно выехать в Москву для руководства Наркоминделом» [20. Л. 4]. В дополнение к постановлению ПБ ЦК Сталин 27 апреля направил Чичерину письмо аналогично-

го содержания, в котором просил «...сократить период лечения... и в спешном порядке выехать в Москву» [19. Л. 60].

Г. Чичерин не был намерен менять свои убеждения и внешнеполитическую позицию. Оказавшись после Генуэзской конференции «не у дел», ощущая к себе политическое недоверие, он продолжал слать письма в «инстанцию» с критическими замечаниями по поводу советской внешней политики. Возвратившись в Москву в октябре 1922 г., он высказал В.И. Ленину свое несогласие с его директивой о выгоде для России разрыва в Генуе. Он признавал, что такая директива заставляла его вести в Генуе уклончивую политику и затруднялся, как ответить на предложения высокопоставленных лиц Франции, предлагавших разные варианты улаживания российских долгов и вопросов о материальной компенсации бывших французских собственников в России. Признание наркома, что он «...не знал и до сих пор не знает действительной мысли Ленина и соответствующей линии правительства по этому вопросу» [21. Л. 19], подтверждает тот факт, что уже к началу 1920-х гг. Г. Чичерин и коллегия НКВД не оказывали решающего влияния на формирование внешней политики. Чичеринские предложения о ее «модернизации» не находили поддержки у советского руководства.

На международную конференцию в Лозанне (20 ноября 1922 г. – 24 июля 1923 г.) советская делегация была допущена только для обсуждения одного вопроса – о черноморских проливах. Г. Чичерин выступал в Лозанне как последовательный защитник геополитических интересов в этом регионе. Он рассчитывал на дальнейшее сближение с кемалистской Турцией, высоко оценивая ее авторитет в мусульманском мире, и считал возможным использовать ее как фактор укрепления российского влияния на Ближнем и Среднем Востоке. То упорство, с каким Чичерин отстаивал право на суверенитет Турции над черноморскими проливами, дало повод германскому министру иностранных дел А. Розенбергу заявить о том, что «русские показали себя в Лозанне больше турками, чем сами турки» [22. Л. 44]. Между тем турецкая делегация в Лозанне вела закулисные переговоры с английскими и французскими дипломатами и политиками о разделе сфер влияния в этих проливах. Убедившись в бесперспективности нейтрализации черноморских проливов, нарком предложил советскому руководству пойти на ряд уступок западным державам, для чего внести некоторые изменения в первоначальный проект полного закрытия проливов [23. Л. 13–14]. Чичеринская позиция была отклонена коллегией Наркоминдела, поддержавшей линию Политбюро ЦК РКП(б) на отказ от примирительного отношения к западным державам по вопросу о черноморских проливах [24. Л. 101]. По мнению западных правящих кругов, «Лозаннская конференция показала, что коммунистическая Россия геополитически следует по стопам царской дипломатии», а сам Чичерин «ничем не отличается от царского министра иностранных дел Сазонова» [25. Л. 92].

Перелом во внешнеполитических взглядах у наркома Чичерина проходил мучительно и болезненно для него самого. Он не сразу пришел к осознанию негатив-

ного воздействия коминтерновской революционной внешнеполитической линии на выдвинутый им тезис «мирного сосуществования». В период форсированной подготовки «немецкого Октября» осенью 1923 г. Г. Чичерин еще разделял надежду советского руководства о возможности победы германской революции. В ответ на протесты немецких дипломатов, выступавших против вмешательства СССР и Исполкома Коминтерна во внутренние дела Германии, он заявлял о непричастности советского руководства к коминтерновским акциям в этой стране и необоснованности приписываемых обвинений в нарушении советской стороной Рапалльского договора. Нарком успокаивал советника советского полпреда С. Бродовского, сообщавшего из Берлина о том, что «опровержениям» о непричастности советского правительства к подготовке немецкими коммунистами вооруженного восстания «немцы не верят», и советовал последнему: «Это не должно Вас смущать. Чем больше немцы не верят, тем резче Вы должны опровергать» [26. Л. 67]. Г. Чичерину, присутствовавшему на заседаниях Политбюро ЦК и бывшему в курсе дел всех замыслов «партийной инстанции» в подготовке революционной авантюры против правительства Германии, приходилось лавировать и лукавить.

1924 г. стал годом широкого признания СССР капиталистическим окружением, и в этом была заслуга не только советской дипломатии. Меркантильные и коммерческие интересы диктовали правящим кругам Запада необходимость сближения с большевистской Россией. После создания СССР, убедившись в прочности советской власти, они стали проявлять инициативу и активность к установлению дипломатических и торговых отношений. Г. Чичерин стремился использовать нормализацию связей с зарубежными странами для укрепления государственных интересов России не только в Европе, но и в США, Латинской Америке и на Востоке. Он протестовал против линии «московских руководящих товарищей», которые принимали решения, разрушавшие с большим трудом достигнутые советскими дипломатами договоры и соглашения с сопредельными странами. В письме секретарю ЦК В.М. Молотову 3 октября 1924 г. нарком писал о недопустимости примата решений партии над внешней политикой, который «серьезнейшим образом влияет на нашу работу и может привести к самым неприятным политическим последствиям» [27. Л. 43]. Особенно резко он высказывался о произволе ГПУ, которое пренебрегало юридическими нормами международного права, арестовывало без достаточных оснований иностранных граждан, задерживало дипломатическую почту зарубежных представительств и постоянно этим создавало конфликты и скандалы с границей [28. Л. 3]. К середине 1920-х гг. Чичерин полностью разочаровался во внешнеполитической линии, формируемой и проводимой Политбюро ЦК ВКП(б) и противоречащей его собственной позиции о мирном сосуществовании двух различных социально-политических систем. Крах надежд на скорую мировую революцию заставил наркома пересмотреть свои взгляды по отношению к странам Востока, направленные на восстановление утраченного Россией после 1917 г. геополитического влияния в этих регионах. И. Сталин, в отличие от

Г. Чичерина, рассматривал восстановление геополитического влияния на Востоке с позиций национально-освободительного движения. Для него было все равно, будут у власти в Китае находиться китайские коммунисты или Гоминдан. Главным для генсека ВКП(б) было сделать Китай страной, проводящей антизападную политику. В сталинском понимании союз СССР и Китая мог бы стать непобедимой силой, что позволило бы укрепить советский тыл и сосредоточить усилия советского государства в области безопасности на европейском континенте [29. С. 54].

Г. Чичерин, к этому времени оттесненный в Наркоминделе М. Литвиновым на второй план, испытывал простой человеческий страх перед И. Сталиным и не решался открыто выступить против сталинской внешней политики на Востоке. После Генуи и Лозанны нарком ощущал себя лишь «фикцией» в советской дипломатии [30. Л. 96]. Предложения Чичерина на заседаниях Политбюро ЦК в пользу какого-либо важного вопроса внешней политики зачастую отвергались и принимались решения, противоположные его собственной позиции. Его положение вдобавок усугублялось острой конфронтацией с М. Литвиновым, который в письмах и докладных записках, адресованных Политбюро ЦК ВКП(б), третировал наркома, жалуясь на его тяжелый характер, привычку работать по ночам, неумение организовать работу Наркоминдела, непонимание партийной линии в советской внешней политике [2. С. 142]. Попытки Чичерина ослабить разлагающее влияние Литвинова в Наркоминделе не находили поддержки в Политбюро.

Г. Чичерина расстраивала до крайности проводившаяся по инициативе Политбюро ЦК чистка кадров в наркомате иностранных дел, когда в угоду личным амбициям партийных «вождей» увольнялись трудолюбивые, компетентные сотрудники и вместо них насаждались не пригодные для дипломатической работы люди «от Сталина» [31. Л. 18]. Высказывания наркома своему заместителю по НКВД Л.М. Карахану подтверждают наличие расхождений между Чичериным и Сталиным. Зная отношение И. Сталина к инакомыслию, нарком, несмотря на то что оставался в стороне от внутрипартийной борьбы в партии и Исполкоме Коминтерна и не примыкал ни к левой, ни к правой оппозиции, не исключал возможности своего политического и даже физического устранения [31. Л. 8]. Начиная с 1923 г. нарком постоянно ставил перед «инстанцией» вопрос о своей отставке, встречая каждый раз молчаливый отказ. Избрание Чичерина на XIV съезде ВКП(б) членом ЦК не прибавило ему политического веса и авторитета в среде советско-партийной иерархии. Став членом ЦК, Чичерин не изменил свои позиции и нередко высказывался критически о деятельности Коминтерна и ОГПУ, рассматривая их с точки зрения ущерба, который они наносили для внешней политики.

С декабря 1926 г. Г. Чичерин часто болел и ездил на лечение за границу. Его болезнь не носила «дипломатического характера», как считают некоторые историки [3. С. 388; 32. С. 106]. На самом деле нарком был тяжело болен (сахарный диабет и полиневрит). Эти болезни не поддавались лечению в то время даже в известных европейских клиниках и санаториях. 1927 г. явился

переломным в мировоззрении Г. Чичерина, когда с разрывом советско-английских и советско-китайских отношений он порывает с революционной дипломатией партийных верхов. В письме от 3 июля 1927 г. он обращает внимание И. Сталина и А. Рыкова на нелегальную работу Коминтерна за границей, сводящую все усилия советской дипломатии на нет и осложняющую деловые отношения с правительствами зарубежных стран [33. Л. 80]. Вспоминая содержание чичеринских писем, В. Молотов отмечает, что в одном из них он назвал «проституированным» Наркоминдел, а Коминтерн «хулиганизированным» [6. С. 246]. И хотя не подлежит сомнению, что нарком последовательно защищал государственные интересы, в его адрес со стороны В. Молотова, М. Калинина, Н. Бухарина, К. Ворошилова и других лидеров ВКП(б) звучали необоснованные обвинения в его адрес в слабости, некомпетентности и плохом соблюдении интересов СССР [34. Л. 2]. К концу 1920-х гг. Чичерин уже раздражал своим икономыслием советское руководство, но по политическим соображениям сталинское окружение не торопилось с удовлетворением его просьб об отставке. Формальное сохранение Г. Чичерина на посту наркома, по мнению партийных верхов, не давало повода зарубежным политикам и дипломатам утверждать о смене советским правительством ориентации во внешней политике. Оставаясь своего рода «свадебным наркомом» в этой сфере, Чичерин являлся для иностранных правительств фетишем пропагандируемого советским государством принципа «мирного сосуществования».

В связи с ухудшением состояния здоровья Чичерин в 1928 г. все настойчивее ставил вопрос об уходе с поста наркома, рекомендуя Политбюро ЦК ВКП(б) вместо себя то В. Молотова, то В. Куйбышева [34. Л. 2]. К этому времени отношения между Чичериным и Литвиновым дошли до «белого каления» и нарком просил о назначении его на «маленькую работу в провинции» и готов был трудиться где угодно – в Сибири, в Соловках, лишь бы уйти от Литвинова [35. Л. 53]. Политбюро ЦК, напротив, приняло решение направить Чичерина на повторное лечение за границу, хотя тот отказывался, признавая напрасной трату валюты, так как лечение в 1926–1927 гг. не принесло ему улучшения здоровья [34. Л. 1]. Затянувшееся лечение Чичерина в Германии (вместо 3–4 месяцев до более года) вызвало нежелательные для Политбюро ЦК толкования как за границей, так и в СССР о невозвращенчестве наркома [30. Л. 36]. В начале 1929 г. И. Сталин и члены Политбюро принимали все меры для того, чтобы возвратить наркома в Москву. И. Сталин соглашался на возможность работы Чичерина в Наркоминделе всего на пару часов в день [30. Л. 85]. Многомесячное пребывание за границей становилось тягостным для оторванного от дипломатической работы Чичерина, в то время как руководство НКВД перешло к М. Литвинову, одни воспоминания о котором вызывали у наркома обострение болезни. Георгий Васильевич представлял всю сложность своего положения: невозможность возвращения в Москву, пока в наркомате остается Литвинов, и отсутствие надежды на выздоровление. В письме И. Сталину 22 марта 1929 г. он убеждал его в полной неспособности к работе, называя себя «развалиной и разложив-

шейся материей» и жаловался генсеку на то, что «московские товарищи не верят в ухудшение его здоровья, которое очень, очень, очень тяжелое, а выздоровление есть нечто крайне трудное и не гарантированное» [36. Л. 7].

Морально и физически уставший Чичерин понимал, что даже при временном улучшении здоровья он не мог, хотя бы на пару часов в день, как предлагал ему Сталин, работать наркомом. Он решил открыто заявить о своих разногласиях с партийными верхами по вопросам внешней политики, надеясь таким образом добиться своей отставки. 20 июня 1929 г., когда болезнь вновь обострилась, он написал И. Сталину о своих расхождениях с официальной политикой партии и ставил в вину ему и его окружению «национальную ограниченность», отмечая, что «у нас недостаточно оценивают значение советского государства» [30. Л. 91–92]. Чичерин назвал «блефом» преувеличение роли первомайских событий 1929 г. в Берлине, изображенное советской прессой как мощное выступление немецких рабочих против собственного правительства. «Глубоко ложным» он считал стремление московского руководства оказать поддержку Э. Тельману, немецким коммунистам и зарубежным компартиям в ущерб международному положению СССР [30. Л. 92]. Касаясь вопросов советской внешней политики на Востоке, нарком осудил выжидательную тактику Политбюро ЦК ВКП(б) в отношении Афганистана, и этим был упущен шанс для укрепления позиций СССР в этом регионе [30. Л. 91]. Он считал необоснованным решение «инстанции» о степени готовности китайского народа к революции, что привело к «колоссальным ошибкам 1927 года» и подавлению китайских коммунистов [30. Л. 92].

При всей своей критике деятельности Коминтерна Георгий Васильевич заявлял Сталину о своей заинтересованности ролью СССР для мировой революции, но в рамках, когда это не подрывает международных позиций Советского государства и не подвергает разрушению всего того, что было достигнуто советской дипломатией [30. Л. 91]. Все это подвергает сомнению мнения некоторых историков о том, что Чичерину был якобы присущ своеобразный «национал-большевизм» [37. С. 220–221; 4. С. 85]. Упомянувшийся выше Г.З. Беседовский, напротив, считает Чичерина «посредником в сношениях двух разных исторических систем, советской и капиталистической, который не был сторонником их схватки в последнем и решительном бою» и рассчитывал на возможность мирного со-

существования этих систем и их сближения, при котором «надобность в решительной схватке исчезнет» [2. С. 138]. Чичерин никогда не разделял взглядов и планов Сталина во внешней политике, о чем свидетельствуют нелюбимые для последнего чичеринские высказывания, в которых содержалась скрытая и неперсонифицированная критика. Он называл «нелепыми московские выступления» (намек на позицию И. Сталина) об опасности нападения капиталистических государств на СССР. Чичерин советовал Сталину изменить внешность и поехать на некоторое время за границу и лично убедиться, что «такая опасность не существует» [30. Л. 92]. Он осудил «крики о социалфашизме» (вновь намек на заявление И. Сталина о роли социал-демократии), отметив их пагубность в деле создания новых революционных партий за рубежом [30. Л. 92–93]. По словам американского историка А. Фишера, И. Сталин был слишком чувствителен к пренебрежению, которое демонстрировал ему нарком по отношению к внешней политике [38. С. 228]. Однако он считал благоразумным не устраивать никаких полемик по затронутым критически Чичериным вопросам, посчитав, что тяжелая и неизлечимая болезнь скоро сама устранил несговорчивого наркома.

Мысли, высказанные Г. Чичериным И. Сталину, повторялись в письмах В. Молотову, А. Рыкову и другим руководителям партии и государства. Своими «откровениями» нарком предопределил свою судьбу. Политбюро ЦК признало, что здоровье Чичерина действительно находится в крайне тяжелом состоянии и неоднократно ставило вопрос о необходимости возвращения наркома в Москву [38. Л. 7, 16; 39. Л. 150–152]. 21 сентября 1929 г. в письме Чичерину Молотов открыто намекал наркому о невозможности думать в его положении о работе в Наркоминделе [40. Л. 12]. Нарком понимал, что в Москве ему не простят отступничества от внешнеполитического курса ЦК ВКП(б) и тормозил свой выезд из Германии всякими отговорками [30. Л. 95]. Возвращение Чичерина в Москву затянулось до января 1930 г. 21 июля Президиум ЦИК СССР удовлетворил просьбу Г. Чичерина и освободил его от поста наркома иностранных дел. После отставки Чичерин был обречен партийной элитой на медленную мучительную смерть, оставаясь без должного внимания, лечения и ухода. В. Молотов назвал Георгия Васильевича «переродившимся наркомом», в чем был, пожалуй, прав. Формирующаяся сталинская система не простила инакомыслия Чичерину и обрекла его имя на долгие годы политического забвения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Седьмой экстренный съезд РКП(б)*. Март 1918: Стенограф. Отчет. М., 1962.
2. *Беседовский Г.З.* На путях к термидору. М., 1997. 461 с.
3. *Млечин Л.* Министры иностранных дел. Романтики и циники. М., 2001. Гл. 2.
4. *Кизюков С.В.* О политической позиции Г.В. Чичерина в 1918–1928 гг. // Чичеринские чтения. Российская внешняя политика и международные отношения в XIX–XX вв.: Материалы межрегион. науч. конф., 10–11 декабря 2002. Тамбов, 2003.
5. *Российский государственный архив социально-политической истории (РГА СПИ)*. Ф. 325. Оп. 1. Д. 487.
6. *Чуев Ф.И.* Молотов: Полудержавный властелин. М., 2002. 736 с.
7. *Романов В.В.* В поисках нового миропорядка: внешнеполитическая мысль США (1913–1921 гг.). Москва; Тамбов, 2005. 515 с.
8. РГА СПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2057.
9. *Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ)*. Ф. 0418. Оп. 1. Д. 20.
10. *Документы внешней политики СССР*. М., 1958. Т. 2.
11. РГА СПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2059.
12. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 53.
13. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44.

14. *Ленин В.И.* Неизвестные документы 1891–1922 п. М., 1999. Док. 355.
15. РГА СПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1952.
16. АВП РФ, Ф. 0418. Оп. 1. Д. 2.
17. РГА СПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1968.
18. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45.
19. АВП РФ, Ф. 421. Оп. 1. п. 1. Д. 1.
20. РГА СПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 308.
21. РГА СПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2061.
22. РГА СПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1986.
23. РГА СПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1985.
24. РГА СПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2071.
25. РГА СПИ. Ф. 325. Оп. 2. Д. 45.
26. АВП РФ, Ф. 04. Оп. 13. п. 77. Д. 49933.
27. АВП РФ, Ф. 04. Оп. 52. п. 344 а. Д. 55405.
28. АВП РФ, Ф. 04. Оп. 69. п. 454. Д. 26.
29. *Александров М.В.* Внешнеполитическая доктрина Сталина. Canberra, 1995.
30. АВП РФ, Ф. 08. Оп. 12. п. 74. Д. 55.
31. АВП РФ, Ф. 08. Оп. 20. п. 170. Д. 1.
32. *Белевич Е., Соколов В.* Наркоминдел Георгий Чичерин // *Международная жизнь*. М., 1991. № 2.
33. АВП РФ, Ф. 04. Оп. 59. п. 495. Д. 56959.
34. АВП РФ, Ф. 04. Оп. 11. п. 43. Д. 7.
35. РГА СПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 45.
36. РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 2. Д. 48.
37. *Авгурский М.* Идеология национал-большевизма. М., 1980.
38. *Коннор Э.* Георгий Чичерин и советская внешняя политика. 1918–1930. М., 1991.
39. РГА СПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 7–8.
40. РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 2. Д. 48.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 января 2011 г.